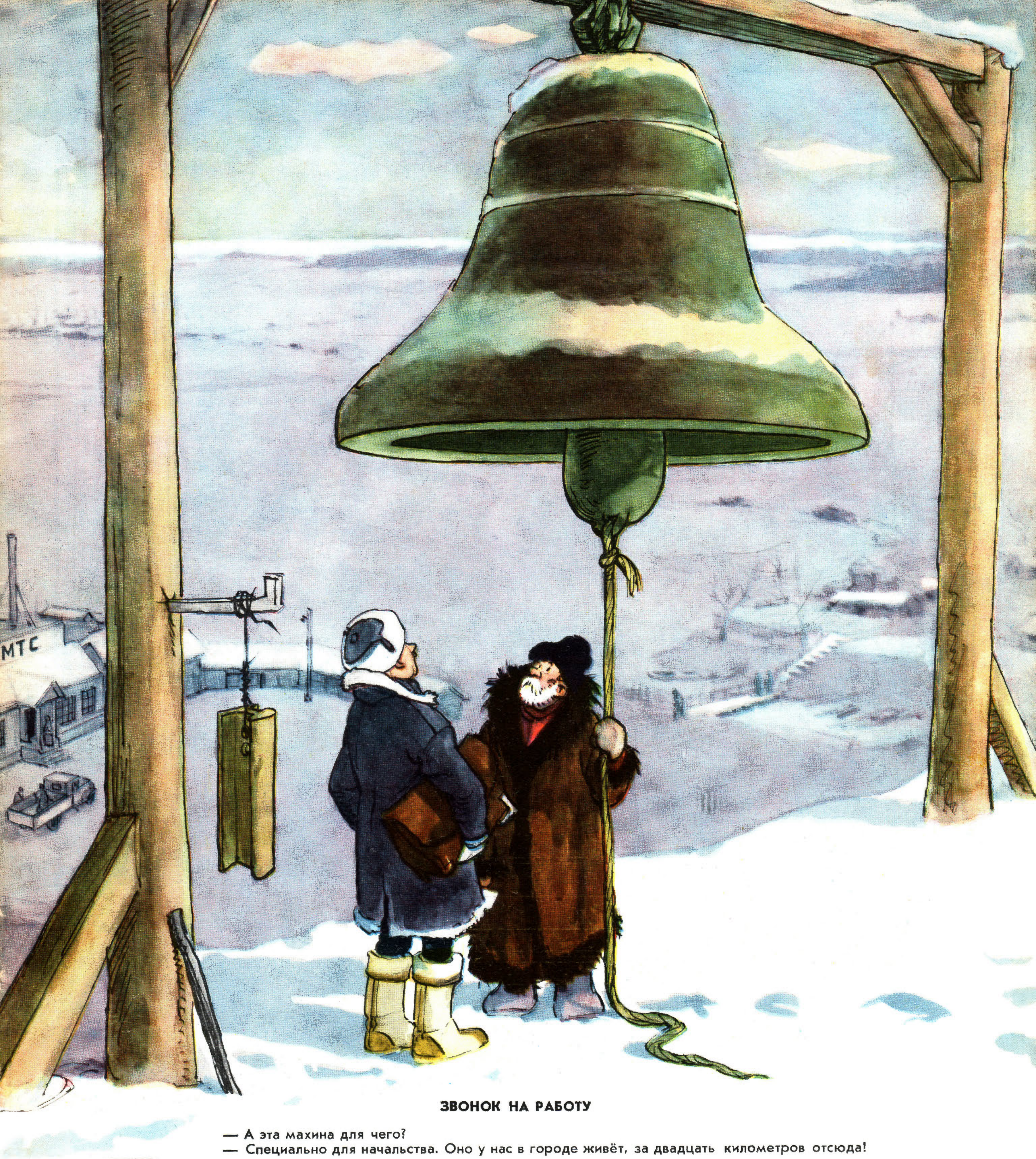

ЗВОНОК НА РАБОТУ

— А эта махина для чего?
— Специально для начальства. Оно у нас в городе живёт, за двадцать километров отсюда!

Рисунок И. СЕМЕНОВА.

КРОКОДИЛ

№ 3 (1401) ИЗДАНИЕ ГАЗЕТЫ «ПРАВДА» ГОД ИЗДАНИЯ XXXIII ЦЕНА НОМЕРА 1 р. 20 к. МОСКВА 30 ЯНВАРЯ 1955

Страшный сон

Сочинил писатель детскую книжку.
Учинил ей редактор стрижку.
Засучив рукава,
Вычеркнув грубые слова:
Заменил Федьку Феденькой,
Дедку — деденькой,
Бабку — бабенькой.
Стала книжка сладенькой
и слабенькой.
Нарисовал в ней художник картинки
и виньетки:
Бабку вместо дедки,
Жучку вместо внучки,
Тучку вместо Жучки.

Взяли в печать эту сказку.
Наложили краску на краску,
Получились на обложке
Четыре глаза у кошки,
У старика три уха,
Без головы старуха.

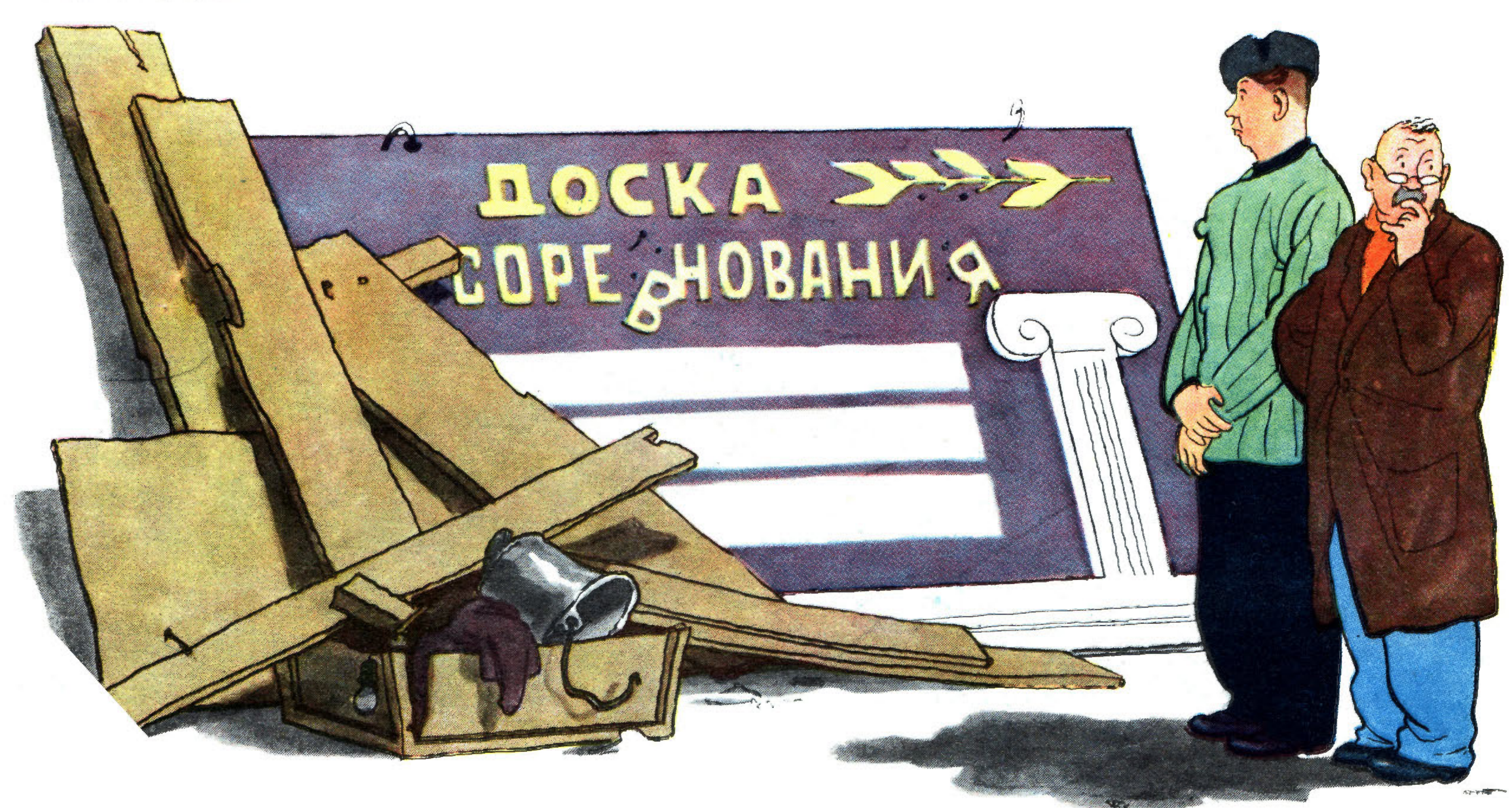
Пришёл черёд,
Взяли книжку в переплёт.
Переплели сказку со стихами
Есенина,
С главой из романа «Анна Каренина»,
С листами из алгебры Киселёва.
Вот книжка и готова!

Остаётся списать её в брак.

С. МАРШАК

Рисунок Е. ЩЕГЛОВА.

ЗАПАМЯТОВАЛИ

— Я забыл, с кем наш цех соревнуется?
— Надо в завкоме спросить.
— Спрашивал. Там тоже не помнят.

СПУТНИК БРАКОДЕЛА

Перед нами маленькая книжечка с большим названием: **«Технические условия на сдачу и приёмку готовой печатной продукции»**.

В книжке всего четыре странички. Но, выражаясь словами поэта:

«...муза, правду соблюдая,
Глядит,— а на весах у ней
Вот эта книжка небольшая
Томов премногих тяжелей».

Весьма любопытная книжка! Читаешь — и сразу становится ясно, почему означенной музе она показалась столь тяжёлой.

На волнующий вопрос «Что считать браком?» в книжке даны ответы, которые сами по себе являются браком.

Оказывается, печатную продукцию следует считать браком, если допущен «раскол книжного блока по всей длине корешка». Как сие понимать? А если книжный блок расколот всего наполовину? Значит, такую, с позволения сказать, книгу дозволено продавать?

Судя по «Техническим правилам», книга считается браком и в том случае, если допущены «сдвоенная печать и закачнувшиеся строки набора, затрудняющие чтение». Оригинально, не правда ли? А если «закачнувшиеся» строки всё же поддаются чтению? Как прикажете считать: это допустимо?

Дальше ещё лучше! Книга бракуется, если в ней есть «марашки, искажающие рисунки и затрудняющие чтение текста». Ликуйте и радуйтесь, бракоделы! Избегайте «марашек» только на рисунках и в тексте, а на полях резвитесь себе на здоровье! Ведь пятна на полях книги «не затрудняют чтения»!

Ценный опыт любителей «марашек», мы не сомневаемся, охотно подхватят некоторые ретивые работники комбинатов бытового обслуживания. Клиент не посмеет возражать против того, что на его светлые брюки, сданные в химическую чистку, будут нанесены дополнительные «марашки».

— Помилуйте! Пятна никак не затрудняют хождения!

Несколько лет назад, в 1951 году, книжный магазин вправе был вернуть типографии издания с перекосом обложки на переплётной крышке более чем на один миллиметр. Два года велась самоотверженная борьба с этим перекосом. И вот результат: перекос в один миллиметр бесследно исчез из новых технических условий. Теперь разрешён перекос... в три миллиметра!

Интересно, что сказали бы составители «Технических условий», если бы в правилах уличного движения был специальный пункт, запрещающий езду автомашин вверх колёсами?

— Это абсурд! Чепуха! — воскликнули бы они хором, но, тем не менее, тут же в свои «Технические правила» включили особый пункт, запрещающий типографиям «вставлять в переплёт книги в перевёрнутом виде».

В каждой новой книге читатель обязательно найдёт ярлык с приветливым призывом:

«Если обнаружите дефекты, просим вернуть книгу для обмена».

К новым «Техническим условиям» такой ярлык не приложен. Однако мы вынуждены вернуть эти «Условия» их составителям для срочного обмена.

Пусть новые «Условия» не оставят бракоделам никаких лазеек. Пусть ни в книгах, ни в правилах, по которым эти книги печатаются, самый придирчивый читатель не обнаружит ни одного дефекта. Пусть у нас больше никогда не будет книг, о которых, повторяя В. В. Маяковского, можно сказать:

Туман,
пятна,
Темно,
непонятно.

Н. МАРКОВ

— Дорожный указатель нашёл, теперь бы ещё дорогу где-нибудь найти...

Когда рак свистнет

27 декабря 1954 года в Артинскую заготовительную контору прибыла строгая директива. Начальник планово-финансового отдела Свердловского облпотребсоюза товарищ Винник повелевал:

— До конца года заготовить 10 тысяч штук раков! Данный план ракозаготовок выполнить безоговорочно!

Эта директива повергла в глубокое изумление весь штат конторы и её директора тов. Щепочкина. И впрямь, тут было чему удивляться. Грозным словом «безоговорочно» товарищ Винник прозрачно намекал, что в случае невыполнения плана он конторе покажет, где раки зимуют. Но... в том-то и беда, что раки вообще не зимуют на территории Артинского района. Не водятся они здесь и в прочие времена года, что, к слову сказать, немало возмущает местных любителей этой благородной закуски.

Таким образом, перед районными заготовителями была поставлена довольно трудная задача: за четыре дня, оставшиеся до конца года, им надлежало добыть способом подлёдного лова 10 тысяч несуществующих раков!

Как видно, «план» этот будет выполнен не раньше некоего знаменательного дня: когда рак свистнет.

Строители древних египетских сооружений были слабо подкованы по части техники. Они работали, как известно, без соответствующей документации, без лабораторий, без обобщений практического опыта. Вот, к примеру, известь. Как её добывали? Обжигали известняк на кострах, засыпали его в яму, гасили, то есть заливали водой, и получали тесто для строительных растворов. Откуда им было знать, голым практикам, сколько там, в этом тесте, «аш-два-о» и сколько «кальций-це-о-три»?

Если обожжённую известь погрузить в воду, она как бы вскипает. Потому и прозвали её кипелкой. Очень беспокойный стройматериал! Кипит, шипит, клокочет, словно протестуя против того, чтобы её гасили в ямах.

Чуткий и отзывчивый человек, Иван Васильевич Смирнов первый вступился за кипелку:

— А ведь, пожалуй, верно. Кипелка вовсе не нуждается в гашении.

Он жил тогда в деревне Чухломке, Горьковской области, был мастером по мельничным жерновам. У него не было ни лабораторий, ни ассистентов. Вся научная база и весь штат умещались в одной голове. Но база оказалась крепкой. Иван Васильевич понял, что зря пять тысяч лет гасят известь. Если её гасят ради того, чтоб материал стал пластичней и чтоб не раздувался в объёме, то ведь если измельчить, перемолоть извёстку, она и без гашения будет пластичной и крепкой, гораздо крепче, чем гашёная. Молоть её надо, а не гасить!

Иван Васильевич не имел претензий к дальним предкам. Предкам простительно: они не знали физико-химических процессов. Наш современный семиклассник в этом смысле вполне подошёл бы им в корифеи.

У Ивана Васильевича накопилось немало претензий к некоторым современным дипломированным инженерам из высоких научно-технических сфер и строительных ведомств. Двадцать с лишним лет назад он им однажды сказал:

— Послушайте, не стыдно ли в наш век гасить известь? Посмотрите вот эти камни на молотой извести. Я сам их сделал у себя в Чухломке без всякого гашения. Моя кипелка в молотом виде способна схватываться в пятьдесят раз быстрее, изделия из неё в десятки раз прочнее.

— Что? — встрепенулись год спустя учёные мужи.

— Я повторяю,— терпеливо доказывал Иван Васильевич,— не надо гасильных ям, не надо выбрасывать треть извести в отходы! Пустите молодую кипелку прямо в производство...

Прошёл ещё один год.

— Непонятно, странно,— пожали плечами учёные авторитеты. — Не верим!

— Чему не верите?—переспросил Иван Васильевич.— Словам моим? И не надо. Камням моим поверьте. Вот они.

— Ненаучно! — возразили авторитеты после нескольких лет глубокого раздумья.

— Ладно,— кротко отозвался мастер.— Попробую вам объяснить научно: гашёная известь — материал непрочный, она несёт с собой в сооружение огромное количество воды. В десятый раз повторяю: молотая кипелка не только быстрее твердеет, но и лучше ведёт себя на морозе. Единственное, чего она не любит и очень боится,— намекнул Иван Васильевич,— это бюрократического холодка...

Прошло ещё несколько лет. Получено было научное заключение. Вежливый и деликатный профессор Б. Г. Скрамтаев написал, что предложение Смирнова «выходит за рамки логического мышления».

Наконец, после фельетона в «Правде» и особенно после того, как в 1949 году Иван Васильевич удостоился Сталинской премии, его предложение признали, утвердили, приняли. Была напечатана внушительная инструкция, все строительные ведомства дружно издали приказы о применении смирновской кипелки, то есть негашёной извести. В один голос все восклицали: широко применять!..

С тех пор приказы пишутся ежегодно. И каждый из них начинается с признания, что вот, мол, намеченные на минувший год мероприятия опять не выполнены! Перепечатывают прошлогоднее заново и утверждают на следующий год. Потом снова признают и снова начисто перепечатывают...

В 1954 году перепечатка вдруг прекратилась.

— Новых приказов что-то не получаю,— сказал нам Иван Васильевич.— Да ведь и старые нисколько не устарели: за 1949, 1950, 1951, 1952, 1953 годы. Можно пользоваться. Хочешь, действуй по приказам министра Райзера, хочешь — по приказам министра Дыгая, хочешь — министра Юдина. От всех трёх министерств документов у меня полная папка. Только вот дело не идёт: ни помольных установок нет, ни печей.

У Ивана Васильевича уже вся комната оклеена газетными вырезками: с начала тридцатых годов идёт разговор о кипелке!

А известь попрежнему гасят. Пытаются погасить и почин Ивана Васильевича.

Правда, кипелкой теперь пользуются на некоторых стройках в Ленинграде, Магнитогорске, на Севере, в Прибалтике, в Молдавии. И всё же легче достать тонну ананасов, чем один килограмм молотой кипелки.

В Москве, на Хорошёвском шоссе, разместились два могучих предприятия — известегасильные заводы. Неподалёку на строительных площадках высятся башенные краны, укладываются сборные железобетонные конструкции, возводятся крупнопанельные дома. Но любителям извести марки «до нашей эры», оказывается, неплохо живётся рядом с новейшей техникой.

Мы спросили молодого инженера-строителя: знает ли он что-либо о применении молотой негашёной извести? Он долго думал, морща лоб, и наконец ответил:

— Да, да, припоминаю. Что-то нам об этом в институте говорили. Знаете, надо заглянуть в учебник. Признаться, уже кое-что выветрилось из памяти.

Мы тоже заглянули в учебники. Авторы их, В. Н. Юнг, Б. Г. Скрамтаев, Ю. М. Бутт, для приличия говорят о молотой негашёной извести, но говорят ровно столько, чтобы будущий инженер смог её легко забыть. Зато гашёной извести почёт: ведь она как-никак старше: ей за пять тысяч лет. А смирновской кипелке нет ещё и тридцати. Над гашёной известью работают десятки научно - исследовательских институтов. А над молотой негашёной известью почти в одиночку трудится кандидат технических наук Б. В. Осин.

Написал Б. В. Осин книгу об открытии И. В. Смирнова. В Промстройиздате она очень долго «схватывалась»: пролежала без малого три года,— хотя академик П. А. Ребиндер в своём отзыве писал, что книга хорошо обосновывает открытие, означающее «революцию в ряде областей технологии строительных материалов». В конце концов книга всё-таки вышла, но напечатали всего три тысячи экземпляров, и она сразу же стала библиографической редкостью.

Пока что опять взял верх метод гашения извести.

А при этом методе, как нам уже известно, очень много воды и очень мало пользы.

А. МАНДРУГИН,
М. ШУР

ТОРГОВАЯ...

Рисунок Е. ГОРОХОВА.

...ТОЧКА ЗАМЕРЗАНИЯ.

Рисунок А. КАНЕВСКОГО.

ЗА ПИСЬМЕННЫМ СТОЛОМ...

— Наш зоотехник, вместо того чтобы заниматься птицей, имеет дело только с пером.

Затянувшаяся тревога

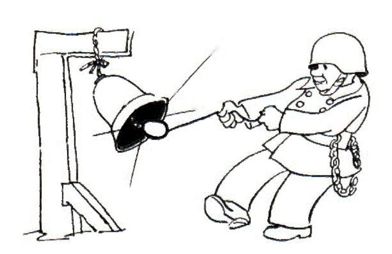
В пожарной охране Верхне-Камского фосфоритного рудника изо дня в день тревога. Но стихия, как говорится, здесь ни при чём.

— Становись! Равняйсь! Смирно!

Вдоль строя прохаживается начальник пожарной охраны рудника К. И. Шаров и, строго поводя очами, наставляет подчинённых:

— Алкоголь — враг противопожарной службы. Преступник тот, кто пьёт спиртное при исполнении служебных обязанностей. Чтоб мне ни-ни! Замечу кого — немедленно уволю. Вопросов нет? Разойдись!

Бойцы команды расходятся в ожидании дальнейших событий. Долго ждать в таких случаях не приходится. Через какой-нибудь час опять команда:

— Становись! Ррравняйсь! Смирррно!

И снова энергичный брандмейстер, находящийся «под градусом», витийствует... о вреде алкоголя.

Бывают, конечно, дни, когда Шаров обходится и без пьяных разглагольствований. Но и тогда во вверенной ему пожарной части тревога всё-таки не прекращается. Наоборот, работникам команды доподлинно известно: коль начальство протрезвилось, значит, опять добра не жди.

Тревожное положение в команде связано, между прочим, ещё вот с чем: случись где-нибудь пожар, на транспорт рассчитывать не придётся. Машина пожарной команды выбыла из строя после того, как Шаров вместе с шофёром Кашиным отправился однажды за много километров в гости. Из гаража они выехали на полуспущенных баллонах, а назад вернулись на колёсных дисках. Так что от камер и покрышек осталось лишь печальное воспоминание.

Как видим, тревогу в данном случае трудно объяснить спецификой противопожарной службы. Не вернее ли будет сказать, что дело тут не в особенностях службы, а в индивидуальных особенностях таких её представителей, как Шаров?

В. БОЕВ

РАЗРЕШИТЕ ПОБЕСПОКОИТЬ!

Гости

В повесть Пушкина «Капитанская дочка», отпечатанную в типографии № 1 Узполиграфиздата при Совете Министров УзССР, вместо главы «Незваный гость» виброшированы страницы из повести Катаева «Сын полка».

А. ЧУПРИНКО

г. Карши,
Кашка-Дарьинская областная контора Министерства связи.

Где может появиться в повести
Незваным гостем сын полка,
Желанный гость, сказать по совести,
Там контролёр из ОТК!

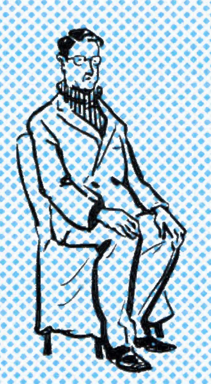
А. НИКОЛАЕВ

Г. ТРОЕПОЛЬСКИЙ

Секреты медика

Не всё хорошо устроено природой.

Возьмём, к примеру, обыкновенный храп. Иному человеку совсем не хочется храпеть, а приходится. И ничего не поделаешь! Лично самому такому субъекту храп не представляет особых неудобств — храпи да присвистывай! — а попробуй заночевать в одной комнате с ним, так и глаза на лоб полезут от бессонницы. Правда, некоторые храпящие испытывают неловкость оттого, что они тревожат сон своих ближних. Обычно такие скромные люди, ложась спать, застенчиво заявляют: «Вы уж извините! Немножко храплю». А послушаешь такое «немножко», терпишь, терпишь — и давай дёргать за одеяло или трясти койку не повинного ни в чём храпуна, — одним словом, считай, ночь пропала.

Такую неприятность испытал в жизни несколько раз и учитель ботаники Серафим Степанович Лапкин: и койку тряс и, извиняясь, просил соседа повернуться на бок. Но вдруг, уже в пожилом возрасте, сделал ужасное открытие: его самого стали дёргать за одеяло, он сам начал храпеть, как иерихонская труба. Откуда только и взялось, неизвестно, но в одном купе с ним люди долго не выдерживали и переходили в другое, а в общем номере гостиницы больше суток никто не оставался. И стало ему прямо-таки неудобно жить. Согласитесь, что очень нехорошо, когда человек, не страдая от своих недостатков, доставляет неприятности другим. «Отчего же,— думал Серафим Степанович,— я начал храпеть? И можно ли это излечить?» Конечно, такие вопросы сам он разрешить не мог, так как в медицине абсолютно ничего не понимал, и направился к врачу в поликлинику.

В Семикоженском районе врачей человек тридцать или сорок. Самой большой известностью пользуется Павел Капитонович Лисицкий. Все говорили, что он личность исключительная, но сами врачи почему-то его не любили. Почему они его не любили, сразу трудно сказать, но Серафим Степанович слышал, что Лисицкий в поликлинике лечит внутренние болезни, а дома исцеляет любую боль. К тому же он построил особняк, одна половина которого отделана специально для частной практики. И только он умеет так сурово произносить непонятные латинские слова в поликлинике и так ласково принимать пациента на дому. Но этого Серафим Степанович ещё не знал в то время и записался к нему на очередь в районную поликлинику.

Ждал приёма довольно долго; вздремнул маленько в коридоре, сидя на скрипучем диванчике, потом сходил в столовую отобедал, затем ещё раз вздремнул. Запах медикаментов, дремлющие или перешёптывающиеся пациенты — всё это располагало к сонливости, расслабляло тело и душу. И у Серафима Степановича действительно заломило кости и заболела голова. А когда медицинская сестра вызвала номер двенадцатый, он вошёл в кабинет врача разбитый, больной, с заспанным лицом.

Врач стоя смотрел на бумажку, лежащую на столе. Пациент же посчитал невежливым начинать объяснение и смотрел на врача.

Павел Капитонович довольно толст, но не до безобразия, рост средний; оттого, что седые и густые волосы подстрижены ёжиком, а скулы выдаются, лицо кажется квадратным, угловатым; на носу восседают фигурные очки с золотым блестящим ободком. В общем представительный, внушающий полное доверие больному, а не какой-нибудь там мальчишка с институтской скамьи. Он окинул взглядом Серафима Степановича с ног до головы и спросил басовито и строго:

— На что жалуетесь?

— Храпеть начал,— ответил тот весьма вежливо.

— Храпе-еть? — переспросил врач и снял очки, изучая больного.

Перед ним стоял пожилой скромный учитель, ничем особенным не примечательный. Обыкновенные умные чёрные глаза из-под мохнатых бровей смотрели на Павла Капитоновича доверительно. Серенький недорогой костюмчик усиливал скромность пациента.

— Извините,— заговорил Серафим Степанович,— но очень прошу объяснить, можно ли излечиться от этого неприятного недостатка — храпения.

Павел Капитонович надел очки и ответил почти сердито:

— Стертор является следствием колебания подвески стафиле.

— Я плохо понимаю.

— От больного не требуется понимать. Больной должен уметь хорошо слушать.

— Простите, но я не умею слушать того, чего не понимаю,— так же скромно возразил пациент.

Павел Капитонович совсем, видно, рассердился, но объяснил:

— Стертор — храпение: латынь... Ещё на что жалуетесь?

— Кости сегодня заломили, голова заболела, вот здесь уже, в больнице.

— Оссис, капут,— произнёс Павел Капитонович многозначительно, что означало «кости, голова».

Эти слова учитель понял и без перевода, так как кое-что в латыни смыслил. Правда, слово «храп» не встречается ни в ботанике, ни в зоологии, но это не означает полного незнания языка Серафимом Степановичем, и он вслух перевёл:

— Кости, голова.

Павел Капитонович снова снял очки, посмотрел на него удивлённо и спросил:

— Вы знаете латынь?

— Плохо.

— Это хорошо.

Серафим Степанович, правда, не понял, что именно «хорошо», но Павел Капитонович уже стал вежливее и задал вопрос, видимо, для изучения истории болезни:

— Где вы работаете?

— В третьей средней. Учитель ботаники.

— Это хорошо-о, хорошо-о... Там мой племянничек учится... Та-ак-с...

Затем он ослушал грудь, настойчиво стучал пальцем по рёбрам, будто выбивая оттуда храп, велел возможно шире открыть рот, посмотрел туда и приказал:

— Тяните: а-а-а-а!

— А-а-а-а! — добросовестно протянул Серафим Степанович.

А Павел Капитонович совсем уже сокрушённо покачал головой и сел писать. Написав рецепт, сказал так:

— Сначала надо лечить оссис эт капут, а уж потом — стертор. Будете принимать семь раз в день по чайной ложке, перед едой, а через два дня, в четверг, зайдёте ко мне на дом после трёх.

...В четверг Серафим Степанович явился к Павлу Капитоновичу в назначенное время. Встретила его в прихожей супруга врача, Олимпиада Ивановна, полная, отменно вежливая дама с двойным подбородком.

— Пожалуйте! Будьте любезны! Присядьте здесь! — Она указала на мягкий диван в первой комнате, где уже ожидали двое мужчин и одна женщина.

— Вы где работаете? — спросила она, а после ответа продолжала ласковый разговор со всеми больными.

Серафим Степанович молча слушал и осматривался вокруг. Мягкая мебель с белоснежными чехлами; квадратный стол с кружевной скатертью; хрустальная ваза с цветами; длинные, до пола гардины на окнах; ковры на стенах и на полу; большая репродукция картины Шишкина «Утро в сосновом лесу», изготовленная, видимо, местным художником: леса почти не заметно, одни медведи; старинные стоячие часы; высокие, но запаршивевшие фикусы. Всё это заполняло комнату, но казалось необжитым и каким-то бутафорским: домашняя необходимость вещи не ощущалась. В общем, это был, как видно, зал ожидания с таким же назначением, как и коридор поликлиники, только с той разницей, что здесь было чисто и уютно.

— А вы не беспокойтесь,— тихо ворковала Олимпиада Ивановна тощему и лысому директору птицекомбината, сидящему рядом с Серафимом Степановичем.— Павел Капитонович послушает, назначит курс лечения, и ваше сердце заработает нормально. Всё, всё будет хорошо! — Она улыбнулась очень широко.

Директор тоже улыбнулся. Потом она ушла в следующую комнату, а вернувшись, обратилась к нему же:

— Заходите! Будьте любезны!

Уже из-за двери послышался её голос:

— Присядьте! Доложу Павлу Капитоновичу.

Серафим Степанович понял, что пациент проходит три стадии: беседа с хозяйкой в комнате с мягкой мебелью, затем — преддверие кабинета исцеления, и только после этого состоится встреча с Павлом Капитоновичем, уже в третьей комнате — в самом алтаре медицинской науки. Дверь, в которую ушла Олимпиада Ивановна с директором, оставалась открытой. Серафиму Степановичу хорошо было видно всё, что там происходит, и отчётливо слышен весь разговор.

Олимпиада Ивановна почти официально, но так же тихо обратилась в следующую дверь:

— Павел Капитонович! Директор птицекомбината товарищ Петров ожидает.

Через несколько секунд послышался ответ:

— Овум эт пингуе!

Серафим Степанович думает: «К чему «яйца и жир» сказано на латинском языке?» А Олимпиада Ивановна уже говорила товарищу Петрову:

— Извините, пожалуйста! Павел Капитонович примет через несколько минут, он сейчас будет готов... Простите за нескромный вопрос: нельзя ли у вас купить яиц сотни две и жира килограммов пять — шесть? Знаете ли, с продуктами как-то не так, живём вдвоём, по базарам ходить, видите сами, нет времени.

— Я, пожалуй, устрою,— ответил товарищ Петров.

— Спасибо, спасибо! Я всегда дома, можете в любое время передать.

Товарища Петрова проглотила дверь кабинета врача, а Олимпиада Ивановна вышла и забрала бухгалтера райтопа товарища Постукалова. Когда же товарищ Петров вышел от Павла Капитоновича, то она снова приоткрыла дверь в кабинет и снова доложила:

— Бухгалтер райтопа товарищ Постукалов ожидает.

Извещения её были несложны, но точны.

— Карбо! — громко отозвался Павел Капитонович.

«Уголь»,— перевёл Серафим Степанович.

А Олимпиада Ивановна уже выуживала уголёк и, получив положительный ответ, направила товарища Постукалова на излечение недугов. Так, постепенно, даже с посредственным знанием латыни Серафим Степанович проникал в тайны медицины Павла Капитоновича, известного в районе врача. Очень хитрое дело — лечение болезней, особенно внутренних: ничего не видно, а лечи! А Павел Капитонович даже через дверь видит, с чего начинать. Редкостный врач! Истинно говорю вам: таких врачей единицы!

Перед приёмом молчаливой колхозницы он изрёк из алтаря: «Бутирум!» (что означало «масло»).

После намёка на русском языке колхозница сразу выложила перед Олимпиадой Ивановной масло и пообещала носить молоко. Видно было, что строгое латинское слово, от которого она вздрогнула, принято ею как начало священнодействия перед лечением болезни. Кто её знает! Может быть, она и свою болезнь называет теперь «Бутирум»... Тёмное дело — внутренние болезни!

Подошла последняя очередь, Серафима Степановича. Ему стало как-то неловко сидеть даже и на мягком диване. Он потрогал во внутреннем кармане десятирублёвую бумажку, и она показалась совсем тощей. Достал он из бумажника двадцатипятирублёвку и заменил ею негодную для данного момента десятку. Но и от этого неудобство не уменьшилось, а в голову полезли разные мыслишки, вроде таких: «Нехорошо давать», «Как лучше дать, если надо дать?» и «Надо ли вообще давать и брать?»

На таких отвлечённых от медицины размышлениях и захватила его Олимпиада Ивановна:

— Будьте любезны!

К удивлению, она не приоткрыла двери кабинета, а, наоборот, исчезла там сама, некоторое время вполголоса говорила с Павлом Капитоновичем, затем, выйдя, пригласила Серафима Степановича и удалилась.

Павел Капитонович встретил его приветливо:

— Ну, как кости и голова?

— Прошло. Но вот храп...

— Попробуем, попробуем... Не вы первый...

— Уж пожалуйста!

— Так-с... Наблюдается ли у вас стернутацио, то есть чихание?

— Наблюдается.

— Тэ-эк-с... Назалис морбус — болезнь носа,— переводил он тут же.— Так, так... А пропишу-ка я вам мазь...— Он немножко подумал и добавил: — Что ж, можно и мазь. Пропишу!

Он прописал рецепт и подробно, с особой вежливостью рассказал, как, когда и каким способом смазывать в носу, как спать на правом боку и обязательно на двух подушках. Далее он настойчиво рекомендовал не употреблять спиртных напитков ни под каким предлогом (даже на свадьбе!), велел ему показаться в следующий четверг в то же время, наконец, открыл перед Серафимом Степановичем книжку и отвернулся к окну. Но тут уже не только учителю, а самому малому младенцу, не имеющему понятия о деньгах, ясно, куда девать четвертную. И Серафим Степанович положил её, несчастную, на раскрытую книгу. Павел Капитонович по прошествии денежного шелеста снова повернулся, закрыл книгу, не глядя, и встал.

Встал и Серафим Степанович. Но вдруг увидел на стене нечто необычное: около стеклянного шкафа, заполненного разными предметами медицинского обихода, висела — что бы вы думали? — обыкновенная скрипка, инструмент, как известно, совершенно непригодный для частной практики по внутренним болезням. Павел Капитонович заметил взгляд Серафима Степановича и, как тому показалось, застенчиво сказал:

— Балуюсь немного... в свободное время... Не врачебное это дело, конечно... Но отдых душе и вообще... музыка. Неудобно, конечно, медицинской личности...

— Люблю этот инструмент! — восхищённо сказал Серафим Степанович.

— Вот как?! — удивился он.— Играете?

— Обожаю скрипку, но научиться играть не пришлось. На пианино немножко играю.

Они сели друг против друга. Павел Капитонович стал говорить о музыке. Он, казалось, забыл латынь и изъяснялся на русском языке.

Во время разговора вошла Олимпиада Ивановна и, как бы стесняясь, сказала:

— Павел Капитонович! Уже больше пяти часов пора обедать.

— Знаете, что? Пойдёмте-ка с нами обедать! А? Как вас величать?

— Серафим Степанович.

— Так вот, Серафим Степанович, дорогой мой, за обедом и разговор наш закончим. А?

Серафим Степанович пробовал отказаться, хватал в прихожей фуражку, прощался трижды, но супруги буквально силой оставили его.

— Как это так? — протестовал Павел Капитонович.— Начать разговор о музыке и не окончить! Нет, нет! Вы ещё обязаны будете исполнить что-либо на пианино.

Из приёмных комнат они вошли через сени во вторую половину дома. Стол был уже накрыт. Сначала мужчины выпили по рюмке спирта и закусили селёдкой, кетовой икрой и сыром. Перед борщом хозяин почти силой заставил гостя выпить вторую рюмку и сам выпил с удовольствием. После борща ели жареного гуся с яблоками. Когда, казалось, больше есть уже невозможно, подали блинчики, а за ними появился кисель.

И чем больше ел Павел Капитонович, тем меньше и меньше говорил о музыке. Тема разговора переменилась окончательно, когда подали гуся.

— Да-а,— уже медленно говорил Павел Капитонович,— Ойстрах — да-а! И Паганини — да-а! И... как его?.. Штраус — да, того... Вкусно! Очень вкусно! — И нельзя было понять точно, что он хвалит: гуся или композиторов.

Олимпиада Ивановна неожиданно сказала:

— Было время, в день по паре гусей приносили, а теперь — один за целый месяц... Где уж там до страуса!

Павел Капитонович посмотрел на гостя, как бы извиняясь за супругу, и обратился к ней:

— У вас, Олимпиада Ивановна, налицо имеется гетеролалия — болезнь такая, когда употребляют не те слова, которые хотят сказать.

Он некоторое время ел молча, а когда подали блинчики, сказал, видимо, продолжая мысль:

— Да и пациент пошёл дрянь. Иной норовит сунуть тебе трояк и ускользнуть.

Из-за стола он поднялся тяжело. Поднявшись, сказал мягко, но тоном, не терпящим возражений:

— После обеда надо бы поспать. Да-с... Сам Эскулап, мифический бог медицины, спал после обеда.

Павел Капитонович уселся в кресло, закрыл глаза и через каких-нибудь пару минут начал... храпеть. Серафим Степанович с ужасом подумал: «Вот у кого подвеска так подвеска! Да ещё, кажется, с двумя присвистами!»

Прошло около часу. Серафим Степанович тоже всхрапнул.

После того, как храп прекратился, подали чай, то есть: сливочное масло, булки, печенье, варенье, лимон, сыр, тонкие ломтики кеты, колбасу, графин со знакомой прозрачной жидкостью и пузатый никелированный чайник, накрытый салфеткой. Перед «чаем» Павел Капитонович предложил выпить по рюмочке и так же агрессивно, как за обедом, заставил выпить спирт. Сам он, видимо, употреблял спирт в такой мере, которая определяется словом «глушить». Снова ели, запивали горячим чаем и... говорили о музыке.

После чая Павел Капитонович принёс скрипку, стал у пианино, посмотрел на Серафима Степановича, теперь молча, и указал смычком на круглый стул. Учитель сел беспрекословно и тоже молча, убедившись в бесполезности сопротивления. До него, наконец, дошла такая мысль: врач ежедневно видит больных, смотрящих на него, как на бога, поэтому некоторые медики со временем начинают воображать, что они и в самом деле боги. Конечно, после такой мысли сопротивляться здесь не имело смысла.

Под аккомпанемент Серафима Степановича Павел Капитонович сначала сыграл «Сербиянку», потом «Пару гнедых». Он здорово фальшивил, но играл серьёзно и в высшей степени старательно, нахмурившись и выпрямившись столбом. К концу четвёртой вещи у него на носу уже висела капелька пота. Он внезапно прервал игру и сказал:

— А-антракт! — Вытер лицо платком и обратился к Серафиму Степановичу: — Ну, как ваше мнение? Как, дорогой мой?

— Ничего, ничего...

— Хорошо! — вздохнула Олимпиада Ивановна.

— Очень хорошо! — поддержал хозяйку и гость, из скромности изменяя правде.

А вечер уже вползал в комнату.

...Окунувшись в сумерки улицы, Серафим Степанович вдохнул запах осенней, пожухлой травы, остановился около ограды палисадника и подумал: «Лучше уж буду храпеть. А может быть, пройдёт само собой». Так учитель узнал врача исключительного, непохожего на тех многих, что он знал и всегда уважал. Он всё стоял у палисадника, задумавшись.

Издали, с окраины города, доносился ритмичный, деловитый звук заводского двигателя. В городском саду играл духовой оркестр. А из открытого окна слышалось пиликанье скрипки: Павел Капитонович исполнял вальс «Невозвратное время».

Серафим Степанович был человек мягкого характера. Странное и пока неясное чувство вызвал у него духовой оркестр и пиликанье скрипки: было и грустно и... стыдно за Лисицких потому, что они люди, и обидно — до крайности обидно! — оттого, что живут они в прошлом, пожелтевшем, как осенняя трава. Но чем сильнее фальшивила скрипка, тем яснее определялось настроение Серафима Степановича. Наконец он с озлоблением плюнул и произнёс:

— Вот это «гусь»!

И решительно зашагал домой.

...Сложная штука — медицина!

Рисунок О. ВЕРЕЙСКОГО.

ЗАПАДНОЕВРОПЕЙСКИЕ БУДНИ

— Надо сыну новое пальто купить.

— Не могу этого сделать: я вынужден одевать немецкого солдата.

СТАРАЯ ПРИМАНКА

В ночь на 7 ноября 1918 года чёрный автомобиль под белым флагом пересек линию фронта первой мировой войны. В автомобиле находилась германская делегация по переговорам о перемирии во главе с Эрцбергером. Вскоре французы пересадили делегацию в вагон и утром следующего дня доставили на станцию Ретонд, в Компьенском лесу, где стоял штабной поезд маршала Фоша.

В Германии в эти дни начиналась революционная буря. Четвёртого ноября немецкие моряки захватили Киль и военные корабли, стоявшие в порту. На другой день восставшие рабочие и матросы заняли Любек, Гамбург, Бремен. Повсеместно создавались Советы рабочих и солдатских депутатов.

Ожидая выхода маршала Фоша, Эрцбергер вспоминал последнее заседание военного кабинета. Перед ним вставало испуганное лицо генерала Гренера, заменившего ушедшего в отставку Людендорфа. Гренер истерически кричал: «Нам надо во что бы то ни стало сохранить армию!»

Спасать армию предстояло Эрцбергеру. Надо было выторговать у Фоша наиболее выгодные условия капитуляции. Неумолимый Фош повторял одно и то же: «Только полная, безоговорочная капитуляция!»

Долго размышлять не было времени: делегации дали для ответа семьдесят два часа — до одиннадцати часов утра 11 ноября. Один из этих трёх дней был особенно напряжённым. 9 ноября делегация узнала, что Вильгельм низложен. Только что созданное новое германское правительство во главе с правым социал-демократом Эбертом, продолжавшее политику бежавшего в Голландию кайзера, обязало Эрцбергера всячески возражать против наиболее беспощадных требований Фоша. Эрцбергер попросил у маршала «частного совещания». Именно на этом совещании Эрцбергеру, по его словам, «пришла в голову оригинальная мысль припугнуть упрямого, несговорчивого Фоша большевистской опасностью».

— Окончательно обессиленная Германия не сможет бороться с надвигающимся большевизмом,— назидательно говорил он Фошу.— Подумайте, что будет с Францией, если германские солдаты на фронте будут выполнять приказы не Гинденбурга, а Либкнехта?

Идея Эрцбергера новизной не отличалась. «Большевистской опасностью» слабонервных пугали и до него, но в дипломатический обиход этот жупел пустил действительно он. Впрочем, дело не в этом «приоритете» немецкого дипломата, а в том, что французский маршал уступил. Уступил, правда, не сразу. Фошу, несмотря на его внешнюю независимость, пришлось посоветоваться, и не столько с Пуанкаре и Ллойд-Джорджем, сколько с президентом Вудро Вильсоном. Уже тогда за американскую «помощь» приходилось платить не только золотом, но и национальной гордостью.

Три месяца спустя, на конференции в Версале, когда злому ханже из Вашингтона надоело разыгрывать роль бескорыстного миротворца, он начал стучать кулаком по столу, отчётливо давая понять, что при делёжке послевоенного пирога самые лучшие куски должны достаться Штатам.

Вместо тридцати тысяч пулемётов Германия была обязана сдать победителям двадцать пять тысяч, вместо двух тысяч самолётов — тысячу семьсот, вместо трёхсот подводных лодок — только сто. Были сделаны ещё более значительные уступки. Вместо немедленного очищения занятых областей на Востоке, особенно Прибалтики, Германии разрешалось покинуть эти территории, «как только союзники признают, что для этого наступил подходящий момент». Было совершенно ясно, что под подходящим моментом имеется в виду нападение на молодую Советскую республику.

Рано утром 11 ноября перемирие было подписано. Грянул артиллерийский залп в сто один выстрел. Один из военных советников Эрцбергера заметил:

— Сто выстрелов за окончившуюся войну и один авансом, за новую. Придёт время, французы ещё вспомнят Компьенский лес!

И Франция вспомнила. 22 июня 1940 года там же, в Компьенском лесу, близ станции Ретонд, в том же штабном вагоне, в кресле маршала Фоша сидел ефрейтор Гитлер и диктовал уполномоченным маршала Петэна позорные условия перемирия, расчленявшего Францию на зоны, обрекавшего её на положение колониального вассала.

Между этими двумя событиями прошла почти четверть века. И всё это время «большевистская опасность» не сходила с уст дипломатов и военных, правых социалистов и клерикалов, политических проходимцев и авантюристов всех рангов и всех мастей. Кто только не пользовался этой панацеей: Клемансо и Керзон, Бриан и Чемберлен, Пилсудский и Макдональд, Лаваль и Франко, Блюм и Антонеску, Абец и Ля Рок, Муссолини и Гитлер!

С намерением разъяснить руководителям Англии эту самую «большевистскую опасность» спустился из поднебесья парашютист Гесс. Сколько было пактов и договоров! Была даже ось! Сколько истерических выкриков Геббельса выслушал мир! А набеги и налёты на советские представительства в Лондоне, в Пекине и Варшаве?! Сколько книг об «интригах Москвы» было выпущено за эти годы: синих, белых, зелёных! Если бы бумага имела совесть, она могла бы покраснеть от стыда за беспардонную ложь, которую на ней печатали. А сколько крестовых походов объявляли «наместники Христа на земле»!

Под флагом борьбы с «большевистской опасностью» начинались многие грязные дела в мировой истории второй четверти нашего века. Под этим флагом убивали нежелательных государственных деятелей, стремившихся к миру. Вспомним кровь Барту. Не пощадили даже Дольфуса, а ведь на что уж был свой. О «большевистской опасности» кричали с международных трибун те, кто нападал из-за угла. Итальянские бомбардировщики пикировали на беззащитную Абиссинию. Японские самураи расстреливали патриотов Маньчжурии. Подручные Гиммлера вылетали на отхожий промысел в Мадрид. Под этим флагом аплодировали мюнхенцам, под ним же выдумывали удобное «невмешательство».

Иногда лицемерное издевательство над народами переходило всякие границы. Однажды Гитлер передал французскому журналисту де Бринону своё «искреннее желание воздвигнуть на берегах Рейна огромный памятник в честь павших в первую мировую войну французов и немцев, примирённых смертью». Разговор о памятнике Гитлер свёл затем к союзу против «коммунистической агрессии».

— Я не собираюсь нападать на своих соседей,— вкрадчиво говорил Гитлер.— Никакой спор в Европе не оправдывает войны, которая ничего не разрешила бы, а лишь привела бы к уничтожению наших рас, являющихся высшими. Азия воцарилась бы на нашем континенте, и большевизм одержал бы свою победу.

Даже опытные дипломатические щуки, вроде Лаваля и Бека, с удовольствием клевали на эту старую заманчивую приманку, надеясь: авось, Гитлер, отмахнувшись от мудрых советов осторожного Бисмарка не лезть на Россию, на самом деле в первую очередь бросится на Советский Союз.

Прошло всего несколько лет. В Европе заполыхала война. Потом был Дюнкерк. Кровь английских детей обагрила развалины Ковентри. Затем был парад гитлеровских войск в Париже. Мимо могилы Неизвестного солдата, погибшего в первую мировую войну, шли и шли немецкие танки. Предатели в это время собирались в Виши. Настоящие патриоты Франции сражались в отрядах Сопротивления. Сражались и с надеждой смотрели на Восток, откуда широко шагали советские солдаты, верные друзья французского народа. Они принесли с собой в Европу желанный для всех честных, трудовых людей мир.

И вот снова те же речи. Правда, иных ораторов уж нет. Нет ни Лаваля, ни Муссолини, ни Чемберлена, ни Гитлера. Но кое-кто ещё существует. Не успела ещё кончиться вторая мировая война, а генерал Монтгомери, выполняя приказ премьер-министра, распорядился собирать оружие на полях сражений, чтобы выдать его вчерашним врагам.

Снова разговоры, и снова пакты, соглашения — лондонские и парижские. Снова «оборонительные» союзы и подозрительность ко всему, что исходит от миролюбивого советского народа. И сильнее, чем когда-либо, истерические вопли о «коммунистической угрозе». Мы знаем, кто кричит и беснуется больше всех,— те, кто снова собирается напасть из-за угла. Мы спокойны. Времена не те, и не те уже народы! Могучий лагерь социализма занимает половину планеты. Повсюду — на берегах Волги и Янцзы, на Дунае и на Красной реке, на Шпрее и на Висле — люди хотят жить в мире, растить детей не для того, чтобы их сжигали в печах новых майданеков или, ещё хуже, в атомно-водородном аду. Но одного желания мало, поэтому люди и в России и в Китае, во Вьетнаме и Польше — везде борются за мир: плавят сталь, строят новые заводы, сеют пшеницу и рис. Наш народ никогда никому не угрожал, но и не спускал обидчикам, а сполна давал сдачи. Мы помним уроки истории, а она, как известно, идёт не вспять.

Арк. ВАСИЛЬЕВ

СКУКИ РАДИ

Американским оккупантам в Японии безумно скучно. Приелись скачки с участием женщин-японок с детьми за спиной, надоели рукопашные схватки с применением холодного и огнестрельного оружия. Но юмористы в военной форме всё же не унывают, они изобретают новые развлечения.

Как сообщает агентство Киодо Цусин, парни из Штатов недавно решили совместить потеху с испытанием фугасных свойств учебных гранат. Возвращаясь поздним вечером с манёвров и проезжая по центральным улицам Токио, они метнули несколько таких гранат в роскошную витрину обувного магазина «Асахидо». Вот это веселье, вот это зрелище! Под оглушительные взрывы гранат и гоготанье американских весельчаков осколки стекла вперемешку с изящными туфлями и ботинками полетели в толпу прохожих.

Начальник местного полицейского управления посетил американские военные власти и без особых надежд на успех просил запретить солдатам носить с собой взрывчатые вещества. Возможно, начальство и пообещало удовлетворить эту просьбу. Однако ясно одно: когда представители местных властей выступают лишь как смиренные просители, в силе остаётся девиз американской солдатни: веселись, чего бы это ни стоило японцам!

СРАБОТАЛИСЬ

Рисунок Г. ВАЛЬКА.

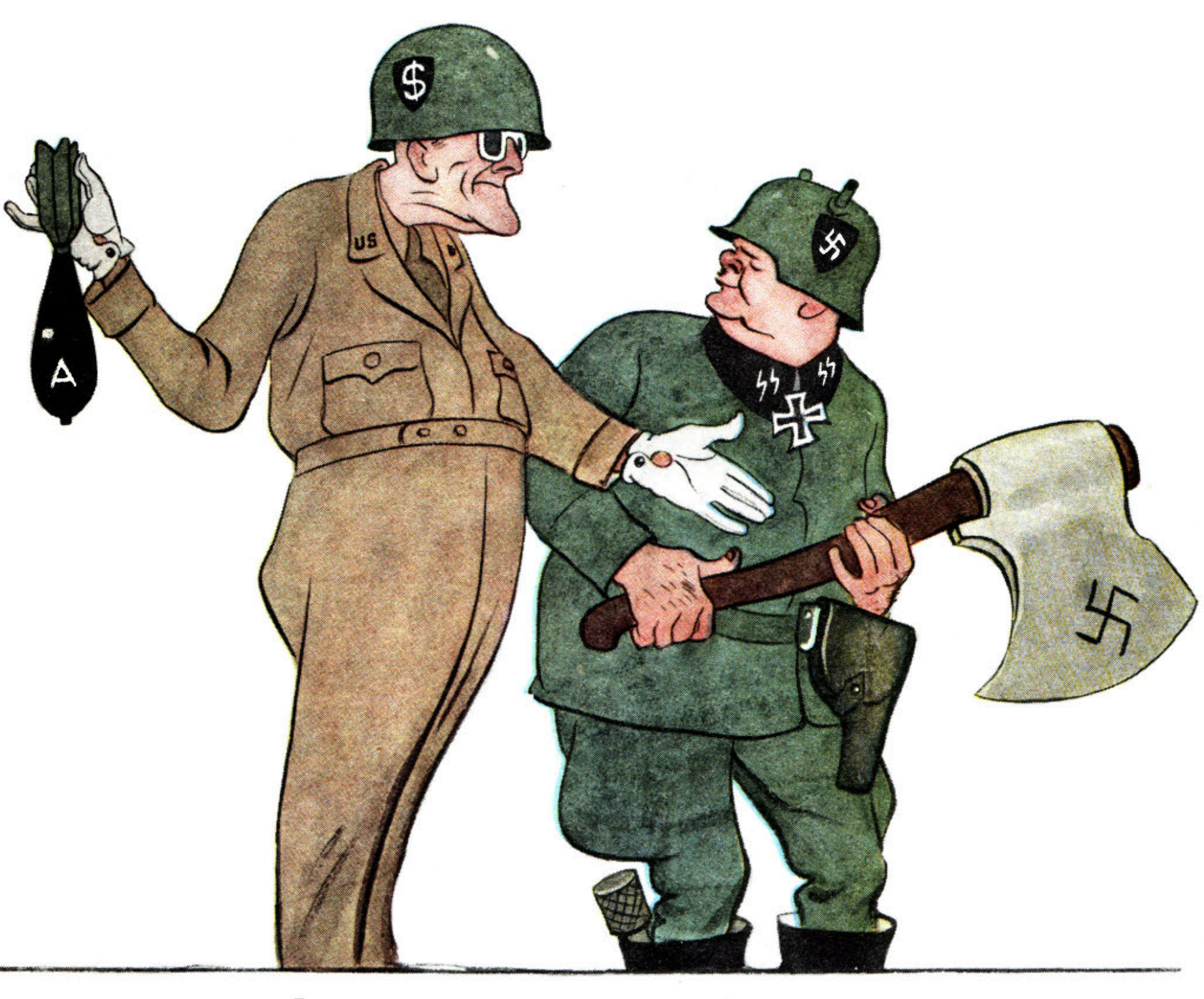

— Гарри, полицейские!

— О'кэй, они нам помогут... Одним нам не управиться...

ПОБОРНИК ПРОГРЕССА

Рисунок Б. ЕФИМОВА.

— Бросьте этот варварский топор, герр Вермахт, возьмите лучше это...

ПОД ДЕВИЗОМ «РУКИ ВВЕРХ!»

Предположим на минуту, что джентльмены удачи, а попросту говоря, гангстеры, предприняли налёт на некое представительное собрание. Джентльмены скомандовали: «Руки вверх!». Кое-кто из поддавшихся страху представителей сделал это после долгих колебаний.

Налётчики, указывая на поднятые руки, усмехнулись и сказали представителям прессы:

— Ну вот, видите: они голосуют за наши рекомендации!

* * *

Такого необычайного по наглости и цинизму налёта пока ещё не было в практике даже самых крупных гангстерских трестов и синдикатов, коими столь славятся США. Однако дипломатические отношения американских претендентов на мировое господство с их западноевропейскими «союзниками» за последнее время уж очень откровенно проводятся с позиций шантажа и запугивания, под лаконичным девизом: «Руки вверх!».

Задолго до того, как в Национальном собрании Франции начались дебаты о ратификации парижских и лондонских соглашений, из-за океана послышались самые отборные запугивания, самые грубые угрозы. А когда открылись дебаты и заокеанские «союзники» убедились в том, что у депутатов нет никакого желания ратифицировать договор о самоубийстве Франции, дипломатия под девизом «Руки вверх!» была пущена на полный ход. Реакционные американские газеты прямо кричали о том, что с Францией нечего церемониться и незачем считаться. А газета «Дейли ньюс» обрушилась на французов с попрёками за то, что у них нет... своего Маккарти. Что это за порядки? Вот завести бы французам одного Маккарти или пару таких Маккарти и начать в этой стране охоту за ведьмами, тогда бы, небось, они, голубчики, беспрекословно голосовали за то, за что прикажет голосовать Вашингтон! А другая газета, «Дейли миррор», видела причину всех бед в неумелой работе Центрального разведывательного управления США: разленились, ожирели, не организовали во-время хорошего шпионажа во Франции, не приставили своих шпиков к подозрительным парламентариям, не доносили на них в Вашингтон — вот теперь и получается неповиновение!

Францию стали пугать тем, что если она посмеет самостоятельно решить свою судьбу, то потеряет... свой престиж. Газета «Нью-Йорк геральд трибюн» вышла с таким сенсационным заголовком: «Даллес видит, что Париж теряет престиж».

Однако скоро весь мир увидел, что из-за непристойного поведения заокеанских джентльменов теряет престиж вовсе не Париж, а Вашингтон. Почувствовав это и впав в отчаяние, некоторые американские комментаторы уже стали выкрикивать такие смешные истерические угрозы, что делали положение своих хозяев совсем неприличным. Агентство Юнайтед Пресс, не зная, чем стращать дальше, припугнуло, что если французы не ратифицируют соглашений, американцы уйдут из Европы «к себе домой». Одно упоминание о возможности такой перспективы вызвало восторг французских читателей. «О, если бы так случилось!» — говорили они.

Были пущены в ход экономические «дубины». Францию за непослушание обещали лишить американской «помощи».

Картина была очень неприглядной. Нижняя палата парламента великой державы обсуждает вопрос о судьбе страны, а в дверь стучатся галантные джентльмены и кричат:

— Не решите так, как мы велим, — мы с вами расправимся!

Дипломаты, действующие под лозунгом «Руки вверх!», решили припугнуть депутатов тем, что банда убийц, за вооружение которой депутатов заставляли голосовать, будет вооружена в крайнем случае и без согласия французского парламента.

— Ах, вы не хотите вооружать вермахт?! Хорошо! Мы сами вооружим его, и тогда он вам покажет!

Корреспондент Юнайтед Пресс телеграфировал из Вашингтона: «Как стало сегодня известно, Соединённые Штаты твёрдо решили, что Германия должна быть вооружена, несмотря на любые действия, которые предпримет Франция, чтобы помешать этому».

* * *

Микроскопическим большинством голосов Национальное собрание ратифицировало парижские соглашения...

Даже печать монополий США вынуждена была признать, что эта «победа» скорее похожа на поражение. Американские шантажисты увидели в эти дни грозное лицо народа Франции, готового к борьбе.

Депутаты, которые голосовали за унижение Франции, так оправдывали свой поступок:

— Что поделаешь? Иначе нельзя. Надо было спасать престиж Франции.

Многие из этих депутатов, разумеется, умалчивали о том, какие соображения руководят их покровителями — французскими монополистами. Финансовые тузы спасали не престиж Франции, а свои барыши.

— Когда западноевропейский союз будет создан, — рассуждали они, — нам тоже коечто перепадёт. Мы выговорим себе подряды на вооружение Западной Германии.

Но вот теперь, как только дело дошло до делёжки добычи, оказалось, что французских «союзников по оружию» просто хотят обделить.

Перед ратификацией договора Национальным собранием Мендес-Франсу обещали, что французские монополии получат заказы на оружие. Теперь, когда голосование закончилось, американские партнёры делают вид, что забыли обещания.

— Что-то не помним, нет, не помним!

Партнёры уже довольно цинично намекают на то, что французам нечего рассчитывать и на Саар.

Так конфузно получается с престижем. Тот, кто капитулирует, вряд ли может укрепить этим свой престиж.

Депутат, которого никак нельзя заподозрить в том, что он «красный», выразил настроение подавляющего большинства Национального собрания, прибегнув к образному сравнению.

— Если один из друзей, — сказал он, имея в виду американских «союзников», — предложит вам выпрыгнуть в окно, говоря, что падение не причинит никакой боли, это ещё не причина его послушаться.

К этому можно добавить: французский народ не имеет никакого желания кончать самоубийством. Что же касается сынов Германии, то перспектива мирного воссоединения родины привлекает их гораздо больше, чем возможность умереть за барыши американских империалистов.

Юр. ЧАПЛЫГИН

Открытие Джорджа Стейнера

Мистера Ф. Джорджа Стейнера, корреспондента, совершившего путешествие по Пиренейскому полуострову, охватило чувство тревоги, которым он и поделился с читателями американского журнала «Харперс мэгэзин». Побывав в этом «самом неисследованном уголке Европы», он был поражён неожиданным открытием: в Испании живут... испанцы!

До этого было всё ясно и просто. Есть в Испании генералы и кардиналы, фалангисты и финансисты, с которыми полномочным представителям Уолл-стрита всегда приятно встречаться. Они сговорчивы, покладисты, и с ними легко уладить такое несложное дельце, как купля-продажа пусть даже целой страны Испании. В их лице и представлялось мистеру Стейнеру это удобное во всех отношениях для американцев государство. Без лишних слов можно приступать к строительству военных авиационных и морских баз. Это было так же понятно американскому корреспонденту, как и то, что в Малаге можно пить малагу, а в Сегедилье танцевать сегедилью... Совсем не плохой сервис для янки, закупивших эту страну у царька-узурпатора Франко, именуемого на местном наречии каудильо! Были бы радары американскими, а гитары могут быть и испанскими.

Конечно, мистер Стейнер представлял себе, что при создании военного плацдарма нужен не только строительный, но и людской материал. Конечно, он знал, что такой материал обязано поставить местное население. Но что это за народ, если к нему внимательно присмотреться?

Первое впечатление было как будто неплохое. «Испанцы,— отметил отрадное явление Стейнер,— более любезно, чем другие люди, переносят пустой желудок». В этом, видимо, полагает автор, благотворно сказалась установленная франкистским режимом многолетняя тренировка в жизни натощак. Люди здесь привыкли жить «по особой милости бога и дождя», и неприхотливость их может вполне устроить новых заокеанских хозяев. Развивая эту мысль и подбадривая заокеанских заготовителей пушечного мяса, Стейнер подчёркивает: «Люди, занимающие самое жалкое положение, относятся к окружающему со странным чувством чего-то нереального. Вот почему в Испании так много святых и тореадоров».

«Учтите всё это»,— рекомендует Стейнер. И как не учесть! При такой жизни, когда одни всеми помыслами устремляются на тот свет, а другие с отчаяния прямо лезут быку на рога,— тут ли не раздолье для дяди Сама при уловлении человеков!..

Но вот, чем больше колесил на своей машине заокеанский гость среди скудных оливковых рощ, виноградников и выжженных солнцем пастбищ, тем больше омрачались его первые впечатления. Оказывается, каудильо и его камарилья — это одно, а простые испанцы — совсем другое. Оказывается, несмотря на многолетнее глумление франкистов над испанцами, они не забыли, что они испанцы.

Впечатлительного «Дон-Кихота американской помощи», как с игривой лукавостью именует себя Джордж Стейнер, удивило и потрясло явно неуважительное отношение к нему на дорогах Испании. Вот машина останавливается в какой-нибудь глухой деревушке в районе Калатравы. Неповторимая «испанская нищета»! Казалось бы, что должны делать эти нищие, завидев выходящего из машины янки-благодетеля? Ну, окружить его, разумеется, протягивать руки, вымаливать песеты, ловить их, отыскивать в дорожной пыли. Но ничего подобного не происходит. Незваный гость с возмущением записывает в своём путевом блокноте: как это неприятно, когда испанцы-нищие «уставятся на вас холодным, насмешливым взглядом». Мало того, Стейнеру самому приходилось слышать, что эти нищие саркастически смеются над американской помощью и называют янки «кровопийцами».

Сетуя на генералов и кардиналов, фалангистов и финансистов, предлагающих американцам такой неприветливый товар, Стейнер с глубоким огорчением пишет, что между ними и населением стоит барьер, «преодолеть который не удаётся ни увещеванием, ни пропагандой».

Что же делать? После долгих раздумий Стейнер приходит к выводу, что единственный способ обмануть испанцев для уловления их душ — «это доказать, что мы вмешиваемся в испанские дела с искренним желанием помочь испанскому народу».

Трудно приходится янки в рыцарских доспехах Дон-Кихота. Они ему так же к лицу, как серому волку бабушкин чепчик. И никакие доспехи не принесут ему успеха, если народ смотрит на него таким «холодным, насмешливым взглядом».

А. ВЕЛИЧКО

УОЛЛ-СТРИТОВСКАЯ ТОРГОВАЯ ПОЛИТИКА

Рисунок Н. ЛИСОГОРСКОГО.

Сначала по рукам...

...потом по рукам и по ногам.

Жюри

Тсс... Идёт заседание жюри архитектурного конкурса. В приёмной выключены все телефоны, секретарши бесшумно порхают по ковровым дорожкам, испуганно косясь на высокую и торжественную, как царские врата, дверь.

За дверью, в огромном кабинете, уже вторые сутки мается жюри: заслуженные и незаслуженные деятели, действительные и недействительные члены академий Козырный, Тумбов, Переплетов, Хазаров, Шилов и Курицын. Председательствует сам Олимпийцев.

Через наглухо закрытые окна, задрапированные тяжёлыми от пыли портьерами, не проникает ни один луч, ни один звук из внешнего мира. Бронзовые канделябры и люстра освещают старинную золочёную мебель. С потолка сквозь пелену табачного дыма смотрят голые амуры. Отсюда они видят редкие кудри и потные лысины членов жюри, недопитые стаканы с чаем, переполненные мраморные пепельницы и множество бумажных рулонов, папок с чертежами и эскизами, макеты будущих зданий.

Один вопрос быстро и единогласно был решён ещё вчера: первых премий не присуждать. Сейчас обсуждались премии вторые, третьи и поощрительные.

— Проект здания райисполкома,— басит Тумбов.— Девиз «Эстетика». Переделано из бывшей бани. Автор, мне кажется, умело использовал конструктивные особенности сооружения. Сохранены парильня и предбанник.

— Каков фасад! Это — самое главное! — непререкаемо объявляет председатель.

Тумбов, кряхтя от тучности, разворачивает на полу один из рулонов и продолжает объяснения:

— Фасад, как видите, шестиэтажный. Выполнен из чистого малахита. Зато дом остаётся одноэтажным, деревянным. Заметьте, какая экономия!.. По всему фасаду пущены глазки да лапки... Просто, но мило.

— Пёстро! — заявляет обладающий тонким вкусом Курицын.

— Ничего не пёстро!

Переплетов конфузится и краснеет: проект под девизом «Эстетика» принадлежит ему. Идею разбросать по фасаду глазки да лапки подала ему жена, сшившая недавно очень миленькое платье — темнозелёное, с жёлтыми глазками и лапками. Переплетов мнётся, ёрзает на стуле и не выдерживает:

— По-моему, очень недурно скроенный фасадик!

Проекту присуждается вторая премия.

Следующий проект представлен под девизом «Всё выше и выше». Это гостиница, перестроенная из мельницы.

— Какая мельница? Ветряная? — задумчиво спрашивает Хазаров.

— Нет, паровая.

— Жаль! Крылья можно было бы оставить. Оригинально!

Шилов демонстрирует макет. Жюри долго смотрит на приземистый дом, увенчанный мощным шпилем, множеством острых шпиликов и башенок. Фасад покрыт сложным парикмахерским орнаментом из буклей, локонов и завитушек.

— Гм...— неопределённо мычит Козырный.

— А что? — ревниво поворачивается к нему Шилов.— Проблема решена остро, силуэтно! Конструктивная площадь занимает более пятидесяти процентов!.. Жилые помещения будем рассматривать?

— Ни в коем случае! — внушительно объявляет председатель.— Это нас не интересует. Общий облик сооружения — вот что самое важное. Запомните: мы не строим, а сооружаем. И не просто дома, а памятники. Монументы! Мы создаём эпоху. Да что там эпоху! Эру! С этой точки зрения мы и должны решать все проблемы... Возьмём, к примеру, данный фасад: войдёт эта завитушка в эру или не войдёт?

Жюри задумчиво смотрит на завитушку.

— В эру, пожалуй, не войдёт, — вздыхает Тумбов.

— А в эпоху?

— В эпоху войдёт!

Проекту единогласно присуждается третья премия.

Следующий проект, объявленный под девизом «Тонкий вкус», жюри долго вертит и так и этак и никак не может определить, где же верх и где низ.

— Так вот же верх! — догадывается наконец Козырный. — Видите: колонны. Кто же теперь ставит колонны внизу?!

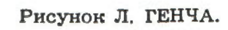
Полюбовавшись колоннами, которые ничего не поддерживают, жюри обращается к фасаду. Фасад опоясан множеством карнизов, и с каждого свисают гирлянды, сильно смахивающие на кружева, какими в старину мушкетёры любили обшивать свои панталоны.

— А это у него что? — стыдливо хихикает застенчивый Переплетов.

— Кружева! — объявляет Курицын. — Самые настоящие кружева! Какая смелость мысли! Новый стеновой материал!

— Не дороговько ли? сомневается Хазаров.

— А эпоха? А эра? — с обличительным жаром восклицает Олимпийцев.

Рисунок Л. ГЕНЧА.

— Вам на какой возраст?
— На средний — для слушателей школы механизаторов...

Рисунок В. КОНОВАЛОВА.

— А ты на чём больше любишь кататься: на коньках или на лыжах?
— На папиной машине...

Проект премируется.

Проект под девизом «2 : 0» поразил даже видавших архитектурные виды членов жюри. Это был небольшой сравнительно дом, в котором на каждом окне стояло по скульптуре. Скульптур было 22 штуки, и изображали они футболистов. Были тут и вратарь, прижимающий мяч к животу, и стремительные нападающие, бьющие по мячу головой, и лихие защитники, а один из игроков был изображён в лежачем положении с подбитой коленкой.

Жюри безмолвствовало, не зная, как отнестись к новшеству.

— Смеловато! — пробурчал наконец Тумбов. — Я бы даже сказал: дерзковато!

— Н-да! — неуверенно промычал Переплётов.— Только, по-моему, нежизненно.

— Почему это?

— А где зрители, где трибуны стадиона? Здесь же одни только голые игроки!.. Не доработано!..

— Не доработано! — согласилось жюри и присудило автору поощрительную премию.

Засим рассмотрен был проект, автор которого, решительно отказавшись от рутины в геометрической конфигурации помещений, предлагал комнаты делать не только четырёхугольными, но и треугольными, пятиугольными и т. д.,— одним словом, столько углов, сколько жильцов. Идея в общем понравилась. Раздался лишь ехидный голос Хазарова:

— А как быть, если в семье всего два человека, а то и один?

Жюри подумало и согласилось:

— Не доработано!.. Вернуть автору.

Рассматривается проект застройки квартала под девизом «Нотр-Дам». Курицын листает альбом. Перед жюри мелькают стеклянные и золочёные купола, колокольни, шпили.

— Не слишком ли это... того...— неопределённо шевелит пальцами Тумбов.

— Аллилуйя какая-то! — поддерживает его Переплётов.

Жюри неодобрительно качает головой и намеревается проект забраковать.

— Обождите! — испуганно шепчет Курицын. — А вы знаете, чей это проект? По-моему, Монументальникова!

— Да ну?! — удивляется жюри и погружается в молчание.

Курицын откашливается и бодро говорит:

— А, пожалуй, в этих куполах что-то есть... Форма этакая округлая, да и позолота...

— Вот именно! — обрадованно подтверждает Олимпийцев.— Что-то эпохальное!

Жюри одобрительно качает головой и собирается премировать проект.

— Стойте! — задумчиво тянет Хазаров. — По-моему, это не Монументальников. Тот больше терема любит, а не купола... Это кто-нибудь из рядовых.

Жюри краснеет и снова погружается в молчание.

— Вот я и говорю,— тянет Шилов.— Не того...

— Н-да... — соглашается Козырный.— Не эстетично!..

— А вдруг это сам Украшателев? — продолжает Хазаров.— Он может...

— О-о! — уважительно произносит жюри. — Украшателев всё может!

— Жарко! — отдувается Тумбов. — Не открыть ли форточку?

— Исключено! — обрывает его Олимпийцев.— Никакого влияния внешней среды!

— Так как же быть с проектом? — вопрошает Курицын. — Одобрим?

Жюри тяжело вздыхает и присуждает проекту вторую премию.

Приступают к последнему проекту. Среди пышных девизов название этого проекта выглядит совсем скромным: «Жилой дом». Жюри долго вертит запечатанный конверт, с сомнением разглядывая таинственный девиз.

— Совершенно непонятно! — мрачно размышляет Курицын. — Что бы оно могло значить? Все девизы как девизы, а этот... Может быть, шутка?..

— Посмотрим, однако, проект, — благоразумно предлагает Хазаров.

И глазам жюри предстаёт нечто, приводящее членов в полное недоумение: обыкновенный жилой дом. Не было на нём ни тонких кружев, ни расшитых полотенец, не украшали его колонны и скульптуры, не портили портики, не венчали шпили и башенки... Жюри онемело...

— Смотреть не на что! — брюзгливо пробурчал Шилов.

— Из... из... девательство! — заикаясь от возмущения, пропыхтел Козырный.

— Это не дом, а... рецидив конструктивизма! — обрадовался Тумбов удачно найденному ярлыку.— Такие дома можно сооружать десятками, да что там — сотнями! По типовым проектам! Эпохой здесь и не пахнет! Про эру и говорить нечего!..

— Отклонить! — прорычал Олимпийцев.

Жюри облегчённо вздыхает...

Застегнувшись на все пуговицы, Олимпийцев распахивает царские врата и выходит в приёмную. За ним, жмурясь от яркого дневного света, льющегося через окна, шествуют остальные члены жюри. Все преисполнены чувства собственного достоинства и выполненного долга... Заседание окончено...

* * *

Прочтя этот фельетон, читатель, возможно, улыбнётся. Это хорошо... Быть может, засмеётся. Ещё лучше... И по всей вероятности, пожмёт плечами: неужели же такое было?

Чего греха таить, было!.. Но, надеемся, что и такие заседания и такие проекты скоро уйдут в прошлое.

В. ПРИВАЛЬСКИЙ

Изошутка И. ИГИНА.

В последнее время многие московские театры часто ставят свои спектакли в помещениях других театров.

— Скажите, где сегодня искать театры нашего имени?

ВИКТОР ВАСИЛЬИЧ

У нас на заводе был Виктор Васильич.
Любой его знал, у кого б ни спросили.
Работал помощником. Чьим! И не вспомню
По части какой он, сказать не легко мне.
Мы часто его на собраньях встречали
И подпись его на бумагах читали.
А там — все вопросы о ходе работы,
Какие-то сводки, отчёты, учёты...

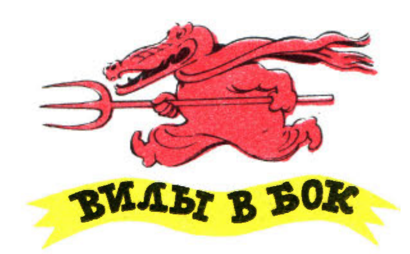
Был занят, загружен, всегда озабочен,
С любым поболтать был, однако,
не прочь он.
Немало речей произнёс он предлинных
О пользе работы на землях целинных:
«Я тоже стремлюсь!.. Не пускают — и точка!
Считайте, что тут лишь моя оболочка,
Душа моя мчится к целинным просторам
Быстрее, чем птица, на поезде скором».

И вдруг... на заводе героя не стало.
И что ж! Ничего. И привыкли помалу.
А кто ж заменил его в должности этой!
А кто! Да никто. Да и должности нету.
И даже спокойней, и легче, и лучше.
Попрежнему чёток конвейер могучий.
Был Виктор Васильич у нас на заводе,
А вышло, что он и не нужен был вроде.

Зашёл на соседний завод я недавно,
У них там собрание в корпусе главном.
И только к дверям подступил я и сразу
Услышал довольно знакомую фразу:
«Душа моя — там!.. Не пускают — и точка!
Товарищи, тут лишь моя оболочка...»
Спросил у рабочих я: «Кто это, братцы!»
«Помощник, а чей, и не помним, признаться!»

Борис КОТЛЯРОВ

г. Харьков.

ПРИКАЗНЫХ ДЕЛ МАСТЕР

«Меж двух стульев» — так обычно говорят о человеке, который оказался без места или в неудобном положении. Но ещё более неудобное положение создаётся тогда, когда сразу двоим предлагают сесть на один стул. Такую неуместную вежливость проявил В. И. Заботин, и. о. председателя Кировского райисполкома Крымской области.

24 декабря прошедшего года в 11 часов дня он собственноручно начертал приказ за № 44 о назначении М. М. Погребного на вакантную должность бухгалтера райисполкома. Вновь назначенный товарищ начал принимать дела. Прошёл всего час времени, и тот же тов. Заботин настрочил новый приказ (№ 45) о назначении на ту же должность В. А. Боженова.

И вот перед одним свободным бухгалтерским стулом стали двое, и у каждого приказ, что именно он должен сесть на этот стул. В их фигурах было столь вопросительное недоумение, что один из служащих райисполкома в порядке сочувствия им посоветовал:

— Вы пока сядьте оба на один стульчик и повременините. Ведь до конца рабочего дня остаётся пять часов. Быть может, товарищ Заботин напишет ещё пять приказов, и к этому стульчику подойдут ещё пятеро...

— Что же это такое?— разводили руками двое назначенных на одну должность.— На что это похоже?

Похоже на то, что тов. Заботин один приказ подписал правой рукой, а другой подмахнул левой дланью. Легко и просто!

В ПАРКЕ ЗАБЫТОМ...

Жители Владивостока уверяют, что песенка «Позарастали стёжки-дорожки...» сочинена у них в городе, на тёмных аллеях городского парка культуры и отдыха. Давно не ступали на эти аллеи милые ножки руководителей «Примкрайпроекта». В противном случае не лежали бы без движения средства, отпущенные для перестройки парка.

Нет в парке ни электрических фонарей, ни концертной эстрады, ни спортплощадок, ни кинотеатра, ни аттракционов, даже забора — и того нет! Ходили работники парка в городской и краевой отделы культуры, в горисполком, в крайисполком. Ушли с тем же, с чем и пришли: несолоно хлебавши.

...Лежит в ящиках давно купленная аппаратура для планетария, а владивостокцы любуются звёздами только в ясную ночь; лежат готовые чертежи, материал и деньги на постройку качелей, а работники парка строят догадки, как раскачать руководителей «Примкрайпроекта». Придёт лето, и опять будут ходить посетители парка по неосвещённым аллеям, спотыкаться и грустно напевать: «Позарастали стёжки-дорожки...»

Дорогой Крокодил!

УВАЖАЕМЫЙ КРОКОДИЛ!

Тебе, конечно, известна примечательная способность гороха легко отскакивать от стенки?

Не думали мы, что выступления нашей газеты, когда там речь зайдёт о непорядках в тресте «Свирьстрой», могут вдруг воспринять это свойство гороха. Но получается именно так.

Четыре раза писали мы в прошлом году о низком качестве работ на строительстве свинарника в подсобном хозяйстве треста, о бесконечных переделках и перестройках на объекте, которые влетают государству в копеечку.

Но управляющий трестом тов. Кураев и секретарь парткома тов. Ганичев отгородились от нас такой прочной стеной недоброжелательного молчания, что все наши сигналы отскакивают от неё, точно горох. Равнодушно взирают они и на наши заметки и на то, как старший прораб участка тов. Федотов продолжает транжирить государственные денежки.

Пробовали подействовать на молчальников через наш райком КПСС — не помогло. Руководители треста ни вразумительного ответа нам не дали, ни порядков на строительных участках не изменили.

Вместо 270 тысяч рублей, положенных по смете, в злополучный свинарник, с лёгкой руки прораба Федотова, вбухали все 400 тысяч рублей.

Не подскажешь ли ты, дорогой Крокодил, чем и как пробить эту глухую стену замалчивания сигналов нашей газеты?

А. МИТЬКИНА,
Л. ФИЛИЧЕВ,
сотрудники редакции подпорожской районной газеты «Свирская правда».

ОТ КРОКОДИЛА

Дорогие товарищи Митькина и Филичев! Нетрудно представить себе крепость «стены», на которую вы жалуетесь. От неё отскакивают сигналы и вашей областной газеты «Ленинградская правда». Дважды с тем же успехом писала она о подобных же непорядках на стройучастке треста в Колчановской МТС и на строительстве жилья в Подпорожье.

А не вмешаться ли в это дело областным организациям? Наверное, у них найдутся стенобитные средства...

ТОВАРИЩ КРОКОДИЛ!

Некоторое время назад мы направили республиканскому комитету физкультуры и спорта ведомость на 190 учащихся Лубянского лесного техникума, сдавших нормы ГТО.

Можешь представить себе наше удивление и огорчение, когда мы получили два месяца спустя эти списки обратно со следующей строгой нотацией:

«Комитет... возвращает ведомость ГТО по лесному техникуму, так как в нормах по выбору во II группе — сдано «прыжки в воду», а где у вас вода и 3-метровая вышка?

Инспектор комитета
Соловьёва».

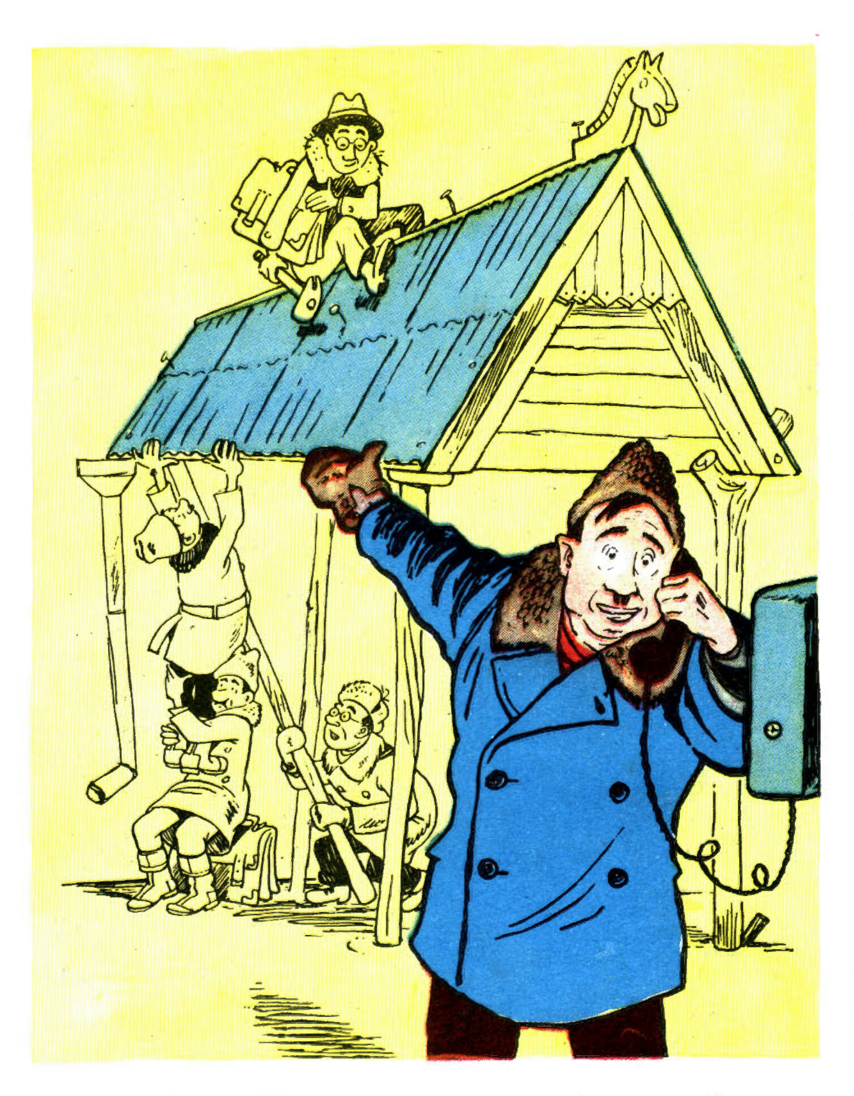
Вот уж воистину тов. Соловьёва, не зная броду, сунулась в воду. Если бы работники республиканского комитета почаще выезжали в районы, и в частности в наш район, тов. Соловьёва увидела бы и воду и вышку, ибо лесной техникум расположен на самом берегу реки Вятки.

Но тов. Соловьёва и её коллеги предпочитают смотреть на всё со своей кабинетной вышки, весьма невысокой и ограниченной. Потому-то она и не заметила нашей вышки для прыжков в воду.

Б. НАЗИПОВ,
инструктор Таканышского РК КПСС,
М. САФИН,
председатель РК по делам физкультуры и спорта.

Татарская АССР.

Рисунок И. СЫЧЕВА.

— Алло! Шифер получили — ждём кирпич!

ДОРОГОЙ КРОКОДИЛ!

Помоги мне, пожалуйста, отгадать трудную загадку. Дело в том, что накануне нового, 1955 года купил я в подарок внучке новогоднюю игру-головоломку «Кто первый?», изданную Росгизместпромом.

Из всех ребусов, чайнвордов и лабиринтов, помещённых в игре, самым загадочным оказался один рисунок. Это мальчик-лыжник, изображающий, по мысли художника, Новый год. Мальчик как мальчик, только почему у него на груди написано «1954»?

Гадали мы всей квартирой и не могли отгадать этой загадки. Может, в продажу случайно попал один позапрошлогодний экземпляр? Но к печати игра подписана 23 августа 1954 года. Мой восьмилетний сосед Андрей предположил, что этот Новый год — просто двоечник и второгодник. Мы усомнились: не являются ли двоечниками и второгодниками скорее работники издательства, выпустившие эту странную игру двухсоттысячным тиражом?

Я. ЕВПЛАНОВ

Москва.

Борис ТИМОФЕЕВ

ДВЕ ГРУШИ

(Из литовского народного творчества)

Шкаф открыла мать Петруши
И сказала: «Вот те на!
Было здесь вчера две груши,
А сейчас всего одна...»

Сын, смотря в глаза ей прямо,
Отвечал по простоте:
«Я вторую грушу, мама,
Не заметил в темноте...»

ПОПРАВКА

В фельетоне «Через кочки скок да скок» (Крокодил № 33 за 1954 год) было неправильно набрано двустишие из стихотворения С. Погореловского «Кораблик», что привело к искажению авторского текста. Это место следует читать так:

Ты журчи, вода живая,
Наш кораблик колыхая.

Главный редактор — С. А. ШВЕЦОВ.

Редакционная коллегия: А. Н. ВАСИЛЬЕВ, Д. И. ЗАСЛАВСКИЙ, В. Я. КОНОВАЛОВ, И. В. КОСТЮКОВ (зам. главного редактора), КУКРЫНИКСЫ (М. В. КУПРИЯНОВ, П. Н. КРЫЛОВ, Н. А. СОКОЛОВ), С. Д. НАРИНЬЯНИ, И. А. РЯБОВ, Л. С. СОБОЛЕВ.

Изд-во «Правда». Адрес редакции: Москва, Д-47, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-31-37, Д 3-34-37. Приём ежедневно (кроме воскресных дней) с 13 до 17 часов.

А 00716. Изд. № 87. Подписано к печати 20/I 1955 г. Формат бум. 70×108⅛. Заказ № 101. Тираж 600 000 экз. 1 бум. л.—2,74 печ. л.

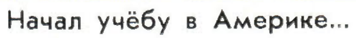
Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

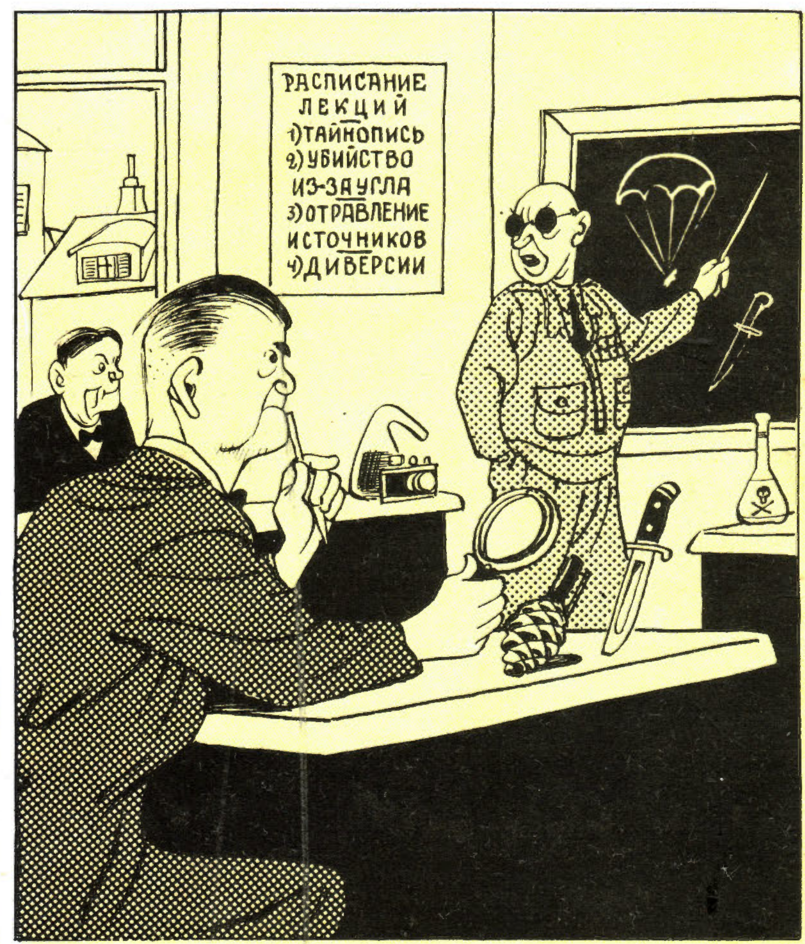
ЗАКОНЧЕННОЕ ОБРАЗОВАНИЕ

Рисунок Ю. ГАНФА.

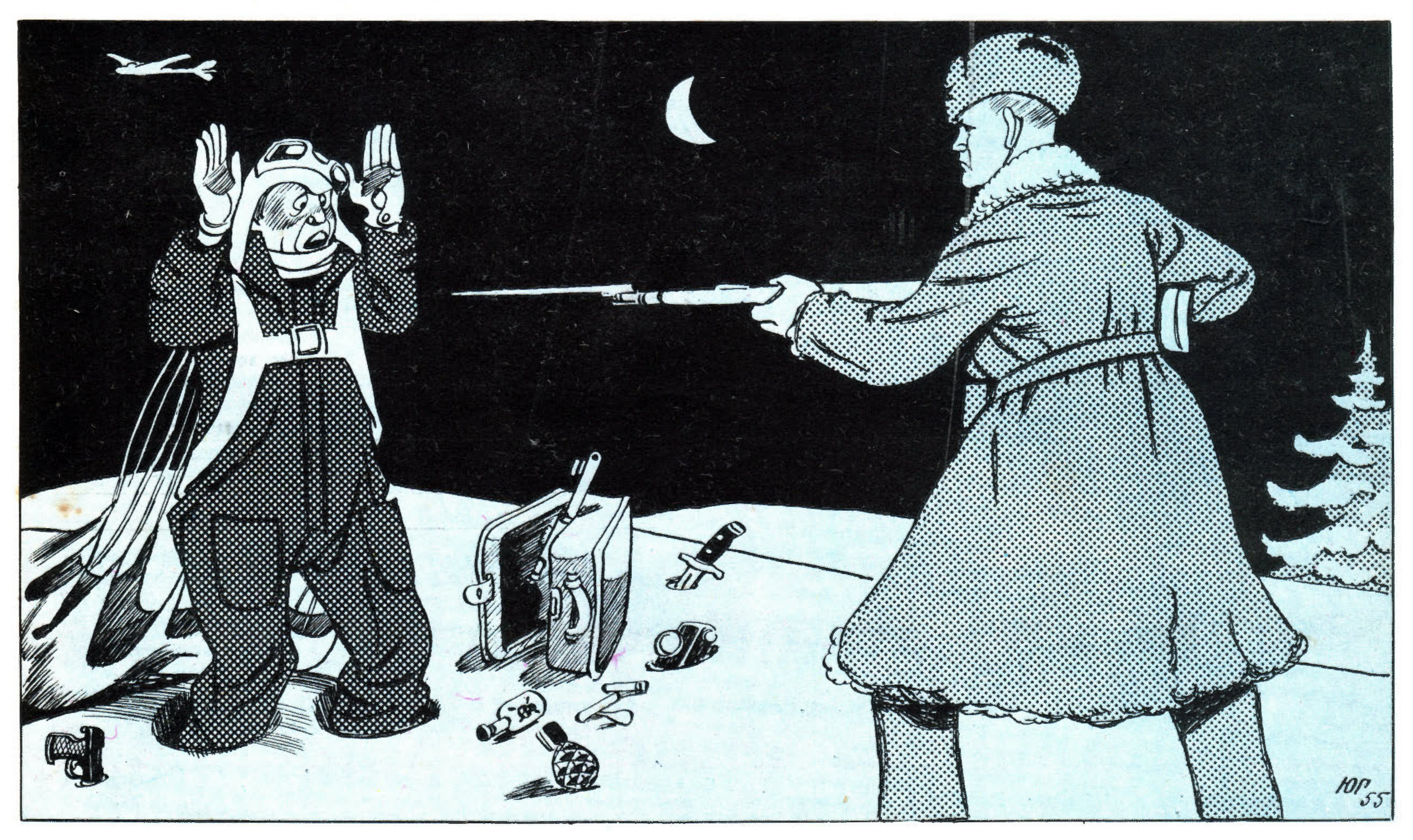

Начал учёбу в Америке...

...продолжал в Западной Германии...

...и закончил в СССР.